

УДК 811.512.1

Г. В. Салимянова

**СТРАТЕГИИ ИНВИТИВНОЙ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ
В РИТУАЛЕ ГОСТЕПРИИМСТВА
(НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА)**

В статье дается анализ стратегий позитивной и негативной вежливости, используемых для реализации инвитивной побудительности в ритуале гостеприимства. Фреймовая структура такого ритуала послужила основой при выделении стратегий инвитивной побудительности в речевом поведении башкир. Выявлены особенности использования стратегий вежливости в зависимости от этапа реализации ритуала гостеприимства.

Ключевые слова: ритуал гостеприимства, инвитивная побудительность, фреймовая структура, негативная и позитивная вежливость, стратегии и тактики речевого поведения.

G. V. Salimyanova

**STRATEGIES OF INVITATIONAL INDUCEMENT
IN THE RITUAL OF HOSPITALITY
(ON THE MATERIAL OF THE BASHKIR LANGUAGE)**

The article deals with the set of negative and positive politeness strategies for realization of invitational inducement in the ritual of hospitality. The frame structure of the ritual of hospitality proves to be helpful in analyzing the strategies of invitational inducement in the Bashkir speech behaviour. The peculiarities of using politeness strategies are revealed depending on the stage of the ritual of hospitality.

Keywords: the ritual of hospitality, invitational inducement, the frame structure, negative and positive politeness, strategies and tactics of speech behaviour.

Ритуал гостеприимства как своеобразная форма социального сотрудничества отражает исторически сложившиеся социально-культурные нормы этноса, зарождение которых обусловлено особенностями его традиционного образа жизни. Поэтому в данном ритуале имеет место кодифицированное коммуникативное поведение, которое структурирует взаимодействие между участниками интеракции.

Целью данной статьи является анализ стратегий инвитивной побудительности в ритуале гостеприимства с позиций коммуникативной лингвистики. Материалом исследования послужили диалогические высказывания из башкирской художественной литературы XX века.

Основной принцип, регулирующий поведение хозяина, – это любезное (уважительное) отношение к гостю, так как гостеприимство основано на этической категории добра [1, с. 11], доброжелательного отношения к людям. Инвитивная побудительность оценивается как способ реализации этого принципа. Цель инвитивных высказываний хозяина состоит в *побуждении* гостя действовать так, чтобы соблюсти принятый в данной культуре ритуал гостеприимства. Речевое поведение хозяина и гостя непосредственно связано между собой как стимул (побуждение) и реакция. С этнокультурной точки

зрения, у башкир ритуал гостеприимства является одним из основополагающих институтов межличностного взаимодействия. Инвитивная побудительность проявляется как в визитах по приглашению, так и в незапланированных визитах, так как гостеприимство представляет собой *ритуальное* проявление интереса к собеседнику.

Таким образом, *инвитивную побудительность* можно определить как гостеприимное волеизъявление (побуждение) *хозяина*, **бенефактивность** которого направлена на *гостя*. Из данного определения следуют три основных принципа функционирования инвитивной побудительности в ритуале гостеприимства у башкир:

- 1) хозяин *побуждает* гостя к чему-либо приятному;
- 2) *обеспечителем* инвитивного побуждения выступает *хозяин*;
- 3) *бенефициантом* инвитивного побуждения является *гость* (выгода для хозяина не очевидна).

В качестве иллокутивных типов, реализующих базовый речевой акт *инвитивное побуждение*, мы выделяем приглашение и предложение своих услуг и считаем их, вслед за П. Браун и С. Левинсоном [13], импозитивами, так как они предполагают угрозу для «негативного лица» адресата, который поступает определенной частью своей лич-

ной независимости. Такая угроза побуждает адресанта совершать действия, минимизирующие потенциальный ущерб от импозиции. Если имеют место импозитивные речевые акты (просьба, приглашение), говорящий старается смягчить импозицию, предоставляя адресату свободу выбора. Поэтому в ритуале гостеприимства для реализации инвитивного смысла используются специальные формы смягчения (**redressive actions**), **которые, способствуя** соблюдению «негативного лица» адресата, в то же время не нарушают его «позитивное лицо». Таким образом, преодолевается онтологическое противоречие ритуала гостеприимства.

Поведенческая и речевая стороны реализации инвитивных высказываний в ситуации гостеприимства у башкир имеют этнокультурную специфику, которая может быть выявлена в особенностях использования коммуникативных стратегий позитивной и негативной вежливости.

Регулярное употребление тех или иных стратегий вежливости приводит к созданию определенных коммуникативных доминант и в итоге – к формированию национальных стилей коммуникации, определенных норм поведения в каком-либо обществе [10, с. 145]. Последние, в свою очередь, вырабатываются людьми в процессе жизнедеятельности и адаптации к окружающей среде.

Наше исследование инвитивной побудительности исходит из фреймовой структуры ритуала гостеприимства. Под фреймом мы понимаем «структуру данных для представления стереотипных ситуаций, стандартные сценарии поведения, предписываемые культурой» [7, с. 187]. В целом, фреймовая структура ритуала гостеприимства выглядит следующим образом:

I. Предварительный этап организации ритуала гостеприимства (предварительное приглашение).

II. Ритуал гостеприимства, связанный с присутствием гостя в доме:

1 этап – появление гостя в доме;

2 этап – угощение гостя;

3 этап – развлечение гостя;

4 этап – проводы гостя.

Инвитивная побудительность является объединяющим признаком на всех этапах гостеприимства у башкир.

Рассмотрим стратегии, реализуемые на *предварительном этапе организации ритуала гостеприимства*.

Согласно теории «сохранения лица» П. Браун и С. Левинсона, предварительное приглашение, с одной стороны, ставит под угрозу «негативное лицо» адресата. Но, с другой стороны, выражение *приглашения/invitation* обычно говорит о желании человека видеть гостя в своем доме и проявить симпатию и уважение к нему. Приглашающий, таким образом, апеллирует к «*позитивному лицу*» адресата, демонстрируя свою заботу об адресате, доброжелательное отношение к нему.

I. Среди **стратегий негативной вежливости**, используемых на *предварительном этапе организации ритуала гостеприимства у башкир*, можно выделить:

1) стратегию предоставления адресату свободы выбора при принятии приглашения: – Өйҙә, йокоң килмәһә, инәйек. Бәләкәс кенә байрамым миңең бөгөн, – тине [12, с. 195].

(– *Давай, если тебя ко сну не клонит, зайдем ко мне. У меня сегодня маленький праздник*).

Упоминание предполагаемой причины отказа в высказывании говорящего облегчает для адресата возможность отклонения приглашения;

2) стратегию выражения сомнения в возможности выполнения действия адресатом:

– Председатель менән парторг жайткансы, сәй эсеп киләбеҙме әллә? – тигәйне [12, с. 374].

(– *Может быть, попьем чаю до возвращения председателя и парторга?*). Эта стра-

тегия реализуется при помощи модального слова (эллэ) и частицы, выражающей вопрос (килэбезме);

3) стратегию отдаления действия (приглашения) от реальности путем замены изывательного наклонения на сослагательное:

– Һуң, тукта, һөйләп бөтһәңсе. Сэй эсеп китер инең [11, с. 178].

(– Да постой, расскажи как следует. Зашел бы, чаю попил).

Прошедшее незаконченное время, используемое в данном предложении (китер инең), выражает не факт, реально случившийся в прошлом, а предположение о факте, который мог бы случиться. Благодаря использованию прошедшего незаконченного времени, которое входит в состав условного наклонения [8, с. 145], можно придать инвитивному высказыванию некую удаленность от реальности, что смягчает импозицию, делая приглашение более вежливым.

Таким образом, для «сохранения негативного лица» адресата в башкирской лингвокультуре в речевом акте приглашения, обслуживающего *предварительный этап организации ритуала гостеприимства*, говорящий демонстрирует готовность предоставить адресату свободу выбора.

Среди стратегий инвитивной побудительности, направленных на соблюдение «**позитивного лица**» адресата, можно отметить:

1) стратегию позитивной оценки будущего прихода адресата в гости:

– Донъяны белмәһең, безҙең яктарға юл төшһә, иң кәҙерле кунағым булырһың [12, с. 177].

(– Кто знает, если вдруг заедешь в наши края, *дорогой гостьей будешь*).

В данном случае позитивная вежливость («дорогой гостьей будешь») сочетается с негативной вежливостью (предоставление свободы выбора – «если вдруг заедешь в наши края»);

2) стратегию убеждающего оптимизма со стороны говорящего:

– Ah-ah, инэй, самауыр кайнаған бит. Эллэ сэй эсмэй зә китергә итә инде?! [11, с. 184].

(– Ах, матушка, вскипел ведь уже самовар! *Да никак и впрямь без чая уйдешь?!*).

Приглашающий апеллирует к «позитивному лицу» адресата, выражая убежденность, что в данной ситуации гость обязательно останется пить чай;

3) стратегию указания говорящим на неизбежность совершения действия адресатом:

– ...Ярар, сэйгә килеп сығырһығыз әле...күстәнәс ашарға [11, с. 182].

(– Ладно, чай попить еще зайдете... (ведь придет сын) с гостинцем).

В данном примере приход адресата рассматривается как потенциально неизбежный.

– Улым, машинаңды ишек алдына индереп тор, сэй эсеп китерһең, – тине [9, с. 130].

(– Сынок, машину поставь перед воротами пока, *чаю попьешь*, – сказала она).

Позитивная вежливость в данном случае реализуется при помощи включения адресата в круг близких людей (сын), при этом речевой акт приглашения выражается косвенно в виде констатации факта, предполагающий неизбежность события;

4) стратегию объединения усилий:

– Әйзә, Мәрийәм, балаларың менән бергәләп безгә кунакка барайык, һөйләшеп ултырырбыз, – тине Көнһылыу [5, с. 520].

(– *Марьям, пойдём ко мне сегодня в гости. Приходи вместе с детьми, посидим, поговорим*, – сказала Кюнхылыу);

5) стратегию указания на целесообразность выполнения действия со стороны адресата (при этом импозиция не снимается):

– ... Һин улай ашыкма инде, бөгөн барыбер артык эллә ни жыра алмаһың, кунак булыр за китерһең [11, с. 328].

(– Ты больно не спеши, все равно уже сегодня много не поработаешь. У меня погоштишь);

6) стратегия указания на необходимость соблюдения этических норм:

– Әйзә, Хәбир, сак жына булһа ла ултырып китмәһәң, килешмәс. Кунак та бар ... [6, с. 17]

(– *Оставайся, Хабир, неприлично будет, если хоть немного не посидишь. И гости ведь есть...*).

В этом случае, используя речевой акт совета, говорящий ставит своей целью убедить адресата в необходимости принятия приглашения из этических соображений.

Таким образом, приглашение на *предварительном этапе организации ритуала гостеприимства* базируется на соблюдении как «негативного лица» адресата (с целью избежать импозицию), так и его «позитивного лица» (с целью манифестации уважения и заботы об адресате), поэтому позитивная вежливость может сочетаться с негативной, что свидетельствует о повышенном уважении к гостю в башкирской культуре.

II. Присутствие гостя в доме предполагает использование следующих стратегий позитивной вежливости:

1. На *этапе появления гостя в доме* стратегии инвитивной побудительности, как правило, включают:

1) приглашение войти:

– Әйзүк, кустым, тартынма, түргә уҙ, – тине, матрос Ғатаны аркаһынан жағып [11, с. 318].

(– *Давай, браток, не стесняйся, проходи, –* сказал он и похлопал Гату по плечу).

– Аһа, кунактарым килә икән дә баһа!.. Әйзүк, рәхим итегез, түрзән узығыз, – тип җаршыланы [4, с. 335].

(– Ах, гости мои идут ведь!..*Заходите, добро пожаловать, проходите, –* встречала она);

2) побуждение садиться:

– Әйзә, Хәбир, нинә ишек төбөндә туктап калдың? – тип өндәште Зәлифа... – Утеп ултыр [6, с. 17].

(– *Проходи, Хабир, что остановился у порога? –* сказала Залифа. – *Проходи, садись*).

3) предложение отдохнуть в ожидании других гостей:

– Әйзүк, жозағый, кунак өйнә уҙ, жозағый, – тип җаршыланы Таиба әбей уны. – Мендәргә ятып ял итә тор. Тиззән бүтән кунактарым да килеп етер, – тине [3, с. 215].

(– Милости просим, сваха, проходи в гостевой дом, – встретила ее Таиба. – *Полежи на подушках, отдохай*).

2. Среди побудительных стратегий позитивной вежливости на *этапе угощения* выделяются:

1) приглашение к столу:

– Зәмзәбикә (Уны култыкклап):

– Әйзәгез, табынға рәхим итегез [2, с. 343].

(Замзабика (Берет его под руку):

– *Просим пройти к столу*);

2) предложение угощения, которое включает возможность выбора (иногда оно сопровождается объединяющим «мы»):

– ...Йә, сәйзән рәхим ит. Әллә, мәйтәм, тегенән берәй рюмка ауыз итәбезме [12, с. 319].

(– *А теперь, чаю изволь. А может и рюмочку, того, пригубим?*).

Ултыр, сәй эсәбез. Теләһәң, мэй зә табылыр [12, с. 114].

(– *Ты сядь, чай будем пить. Захочешь – и другое найдется*).

Предложение угощения включает такие *тактики*, как:

– **демонстрация щедрости хозяина:**

Ашағыз, эсегез, был донъя ике килмәс! Ағағыздың йомартлығын татығыз! [5, с. 412]

(– *Ешьте, пейте, раз приходим на эту землю! От души угощаем!*);

– **демонстрация разнообразия предлагаемых угощений:**

Сабира ихласлык менән йәнә кунактарын һыйларға кереште. – Йә, майына, балына ынтылып, кәнфитен,

емешен кабып, тэмлэп кенэ эсегез эле, кунактар! [4, с. 338].

(– Сабира с ласковой настойчивостью продолжала потчевать своих гостей. – *Тянитесь за едой, берите мед, масло, попробуйте конфеты, ягоды, угощайтесь-ка, дорогие гости!*);

– **дополнительная аргументация предложения:**

Эс инде сэйенде. Коймакка ябеш, юлда карының асыр... [12, с. 198]

(– Пей же свой чай. Поешь блинов, проголодаешься в дороге-то...);

– **демонстрация недоумения в случае пассивности гостя за столом:**

Йә, улым, ниңә тик кенә ултыраһың, аша, – тип кыстаны ла кыстаны [4, с. 430].

(– Ну, сынок, что же ты сидишь, кушай, – уговаривала она);

– **предложение отведать угощение, пока оно не остыло:**

– Кабартма йылылай ашаһаң ғына һэйбәт була. Ашай һалығыз эле, – тип кыстай [5, с. 170].

(– *Лепешки вкусные, когда их едят горячими. Ешьте давайте*).

Ошонан һуң инде хужалар, тейешле эзәп һәм кеселеклек күрһәтеп, кунакты һыйларға тотондо.

– Йәле, ынтыл, йылылай [11, с. 190].

(После этого хозяева начали с большим почтением угощать гостя.

– *Попробуй вот этого, пока не остыло*);

– **похвала предлагаемых блюд хозяином (их качества и свежести):**

– Рәзилә! Әйзәгез, әйзә! Хәзер мин һеззә сэй менән һыйлайым! Шундай тэмле еләк вареньеһы кайнаттым! [2, с. 207].

(– Разиля! Давайте, проходите. Сейчас напою вас чаем. *А какое земляничное варенье у меня получилось!*).

Сэй. Яңы һалынған сэй, – тип әйтте бейеме. Һимез аштан һуң, кайһылай һэйбәт. Йәгез, эсәйек эле... Кунактары тағы сэй эсергә кереште [3, с. 215].

(– *Чай. Свежесваренный*, – сказала све-кровь. Как он хорош после жирной баранины. Ну, давайте выпьем... И гости вновь принялись за чай);

– **притворно скромная оценка угощения со стороны хозяина:**

– Әллә ни һыйбыз юк, кустым. Барынса байрам, – тип Шарифулла карт уның алдына эле ярмаланып бешкән картуф, эле каймаклы сеүэтә шыузырзы... [12, с. 95].

(– *Угощать особо нечем, браток. Чем богаты*, – приговаривал Шарифулла, придвигая к нему то тарелку с аппетитно испеченной картошкой, то блюдец со сливками...).

Необходимо отметить, что данная тактика предложения угощения используется хозяином чаще всего при незапланированном визите гостя и может быть проявлением негативной вежливости (иногда это тактика «напрашивания на комплимент»);

3) побуждение поддержать тост:

– Йә, дуҫтар, – ул ошо һүзәрзән һуң Мәфрүзә менән Хәбиргә алмаш-тилмәш караны, – Зәлифәнең һаулығы өсөн эсәйек. Мәңге йәшәһен! [6, с. 18].

(– Ну, друзья, – сказал он, посмотрев на Мафрузу и Хабира, – *выпьем за здоровье Залифы. Пусть живет вечно!*)

Такое побуждение часто сопровождается объединяющим «мы».

3. На *этапе смены обстановки* хозяин, как правило, руководствуясь принципом любезного отношения к гостю, пытается побудить его участвовать в развлечениях. При этом у башкир под развлечением имеется в виду не какие-либо азартные игры, а прогулка, пение, танцы:

Эштән кайтып, кискелекте ашап эскәс Зәлифә:

– Кунакка һыу буйзарын күрһәт, Нураһиә... – тип уларҙы сығарып ебәрҙе [12, с. 123].

(Вернувшись с работы, после ужина Залифа сказала ей:

– *Иди, Нурания, покажи гостю нашу речку...*

4. На завершающем *этапе прощания* принцип любезного отношения к гостю реализуется в виде следующих стратегий:

1) побуждение посидеть еще, не торопиться:

– Ниңә кузғалаһың? Китмә әле, китмә! Өз генә ултыра бирсе! – тип Мәхмүзә... [3, с. 161].

(– *Почему ты торопишься? Не уходи, прошу тебя! Посиди немного!* – сказала Махмуза...);

2) приглашение приходить еще:

Ренат:

– Ярай, Рәзилә апай, тағы бер тапкыр рәхмәт! Һау булып тороғоз. Рәзилә:

– Инеп йөрө, Ренат [2, с. 199].

(Ренат:

– Хорошо, Разиля апа, еще раз спасибо!

До свидания.

Разиля:

– *Еще приходи*, Ренат);

3) предложение проводить:

– Әллә үзәңде шул колхозға тиклем озаттырып куйайыммы?

Шәп булып ине, ағай [11, с. 329].

(– Может быть, тебя проводить до колхоза?

– Было бы хорошо, агай.)

Проведенный анализ показывает, что инвитивная побудительность является объединяющим признаком на всех этапах ритуала гостеприимства у башкир. На первоначальном этапе организации ритуала гостеприимства адресант делает выбор между позитивной и негативной вежливостью. На нашем материале наблюдалось некоторое преобладание позитивной вежливости (6 стратегий) над негативной (3 стратегии), что свидетельствует об определенном доминировании позитивной вежливости в национальном стиле башкир в ритуале приглашения в гости. *Положительная вежливость* в приглашении призвана показать доброжелательное, забот-

ливое отношение к адресату. В то же время в случае большой социальной или индивидуальной дистанции между говорящим и адресатом, возрастает демонстрация уважительного отношения, что приводит к стремлению смягчить импозицию при реализации приглашения, т. е. используются и позитивная, и негативная вежливость.

В случае однозначного употребления *негативной вежливости* приглашающий выражает свое нежелание навязываться партнеру по коммуникации. В башкирском языке для снижения импозиции могут использоваться модальные слова (модаль *һүҙээр*), выражающие возможность (*әллә*), и частицы, выражающие вопрос (*һорау киләксәләре –мы, –ме, –мы ни, –ме ни, –ме икән* и т. д.).

Необходимость выбора наиболее адекватной стратегии при реализации приглашения на данном этапе диктуется наличием опасности для говорящего «потерять лицо» (т. е. получить отказ).

На этапе присутствия гостя в доме преобладает *позитивная вежливость*, призванная укреплять добрые взаимоотношения собеседников, что обусловлено желанием хозяина как можно лучше преодолеть деликатный момент появления гостя в доме, при этом императивность инвитивов смягчается бенефактивностью побуждаемого действия для адресата. Единственным проявлением негативной вежливости можно считать тактику «*притворно скромная оценка угощений со стороны хозяина*», часто возникающую во время незапланированного визита гостя. В целом, подчеркнутое уважение к гостю приводит к использованию наряду с позитивной, также и негативной вежливости, если это диктуется ситуацией.

Таким образом, высказывания с инвитивным побуждением играют регулятивную функцию в ритуале гостеприимства у башкир, представляя собой разветвленную иерархию стратегий и тактик позитивной и негативной вежливости.

Литература

1. Азнабаева Л. А. Этика речевого поведения // Коммуникация: этико-лингвистический аспект. – Уфа: Риц БашГУ, 2011. – С. 10–59.
2. Асанбаев Н. Сэхнэ эсэрзэре. Драмалар һәм комедиялар. – Өфө: БКН, 1997. – 576 б.
3. Бишшева З. Оло Эйек буйында. – Өфө: БКН, 1976. – 316 б.
4. Бишшева З. Эсэрзэр дүрт томда. – Өфө: БКН, 1981. – Т. 1 – 608 б.
5. Бишшева З. Эсэрзэр дүрт томда. – Өфө: БКН, 1982. – Т. 3 – 560 б.
6. Бүләков Д. Кыңғырау сәскә // Повестәр, хикәйэләр. – Өфө: БКН, 1979. – Б. 5–134.
7. Демьянков В. З. Фрейм // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
8. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. – М.: Наука, 2008. – 262 с.
9. Дәүләтшинә Н. Һырга һабағы // Повесть һәм хикәйэләр. – Өфө: БКН, 1987. – Б. 129–149.
10. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. – 315 С.
11. Солтангәрәев Р. Оло юлдың тузаны. Һайланма эсэрзэр. – Өфө: БКН, 1995. – 544 б.
12. Хәкимов Ә. Кош юлы. Ике роман. – Өфө: БКН, 1989. – 448 б.
13. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – New York: Cambridge University Press, 1987. – 281 p.